
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 159.9

DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-90-121

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А. В. Махнач¹, А. И. Лактионова², Ю. В. Постылякова³

Институт психологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: ¹makhnach@ipran.ru; ²apan@inbox.ru; ³postylyakova@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется жизнеспособность студентов вузов. Высокая степень неопределенности настоящего и будущего, сопряженная с особенностями жизненного этапа студентов-выпускников, осложняется тем, что этот возрастной период связан с кризисами выбора профессии. Показывается, что мало изучены взаимосвязи между жизнеспособностью молодежи и развитием их жизненной траектории. Актуальность таких исследований высока и имеет теоретическое и практическое значение. Гипотеза исследования: уровень жизнеспособности студентов связан с оптимистичным/пессимистичным видением своего профессионального будущего в России, самоидентификацией, отражающей принадлежность к стране, региону, городу, миграционными/эмиграционными намерениями.

Цель – изучение взаимосвязей жизнеспособности молодых людей с их отношением к перспективам будущей профессии, миграционными/эмиграционными намерениями, социальной идентичностью.

Методология, методы и методики. Методологическая база – системный подход, предлагающий общесистемные представления о структурно-функциональном строении пространства объектов исследования; теория экологических систем Ю. Бронфенбреннера, позволяющая выявлять взаимосвязи жизнеспособности молодежи во взаимодействии с окружающим миром. Жизнеспособность студентов определялась Опросником жизнеспособности детей и молодежи – 28 (Child and Youth Resilience Measure – 28), позволяющим оценивать три показателя жизнеспособности: «Индивидуальные ресурсы»; «Семейная поддержка»; «Контекст». Предусмотрен расчет интегрального показателя жизнеспособности. Для изучения социальной идентичности молодежи, их отношения к перспективам будущей профессии и миграционным/эмиграционным намерениям применялась авторская анкета. В исследовании принимали участие студенты-старшекурсники, магистранты вузов (N = 993, средний возраст равен 21,49 ± 2,274).

Результаты. 1. В жизнеспособности студентов индивидуальные ресурсы являются ведущими; семейные ресурсы и общая жизнеспособность имеют среднюю выраженность;

контекстуальные студентами субъективно оцениваются низко. 2. Студенты с высокой жизнеспособностью оптимистичнее оценивают возможности профессионального роста и достойной жизни в России в отличие от студентов с низкой жизнеспособностью. 3. Социальная идентичность различается в группах с высокой и низкой жизнеспособностью. Более высокие показатели идентификации себя как россиянина демонстрируют студенты с высокой жизнеспособностью, у них также меньше выражены космополитизм и эмиграционные планы. 4. Низкая оценка физической и психологической поддержки семьи, друзей, неудовлетворенность домом/семьей/друзьями отмечается у респондентов с низкой жизнеспособностью, также демонстрирующей пессимистическое видение будущего в России, более высокие эмиграционные намерения, более низкие показатели идентификации себя как россиянина. 5. Данные исследования общей выборки показывают региональные различия в миграционных/эмиграционных планах молодежи.

Научная новизна. Осуществлена проверка эмпирических возможностей системного подхода и теории экологических систем Ю. Бронфенбренера к изучению жизнеспособности студенческой молодежи. Выявлены взаимосвязи между жизнеспособностью молодежи и ее отношением к перспективам профессии, миграционными/эмиграционными намерениями, социальной идентичностью. Определены мишени воздействия на повышение жизнеспособности студентов при их обучении в вузе.

Практическая значимость. Результаты данного исследования могут применяться при индивидуальном сопровождении студентов и при составлении учебных программ вузов.

Ключевые слова: Жизнеспособность человека, молодежь, студенты, оптимистическое/пессимистическое видение будущего, самоидентификация, миграционные намерения.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07409мк «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности».

Для цитирования: Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 5. С. 90–121. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-90-121

RESILIENCE OF STUDENT YOUTH IN RUSSIA UNDER UNCERTAINTY

A. V. Makhnach¹, A. I. Laktionova², Yu. V. Postylyakova³

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: ¹makhnach@pran.ru; ²apan@inbox.ru; ³postylyakova@mail.ru*

Abstract. Introduction. The article analyses resilience of university students. The high degree of uncertainty of the present and future, associated with the characteristics of the life stage of graduate students, is complicated by the fact that this age period is associated with crises in choosing a profession. It is shown that the relationship between youth resilience and the development of their life trajectory has been little studied. The relevance of such studies is high and has theoretical and practical significance. Research hypothesis: the level of students'

resilience is associated with an optimistic/pessimistic vision of their professional future in Russia, self-identification, reflecting belonging to a country, region, city, migration/emigration intentions.

Aim. The study aims to analyse the relationship of youth resilience with their attitude to the prospects of their future profession, migration/emigration intentions, and social identity.

Methodology, methods and techniques. The methodological framework of research is based on the systematic approach that offers system-wide ideas about the structural and functional structure of the space of research objects; the theory of ecological systems by U. Bronfenbrenner, which allows to identify significant relationships between the indicators of youth resilience in interaction with the outside world. Students' resilience was assessed by the 28-item Child and Youth Resilience Measure (Child and Youth Resilience Measure-28), which allows scoring three indicators of resilience: "Individual resources"; "Family support"; "Context". The calculation of the integral resilience score is provided. The authors developed the questionnaire to study the social identity of young people, their attitude to the prospects of their future profession and migration/emigration intentions. The study involved university senior students, MA level students (N = 993, average age M = 21.49, SD = 2.274).

Results. 1. In resilience of students, individual resources are leading; family resources and score of general resilience are moderate; students give a low rating to contextual resources. 2. Students with high resilience are more optimistic about the opportunities for professional growth and a decent life in Russia, in contrast to students with low resilience. 3. Social identity differs between high and low resilience groups. Higher indicators of self-identification as Russians are demonstrated by students with high resilience, they also have less pronounced cosmopolitanism and emigration plans. 4. A low assessment of the physical and psychological support of family, friends, and dissatisfaction with home/family/friends is noted among respondents with low resilience, which also demonstrates a pessimistic vision of the future in Russia, higher emigration intentions, and lower indicators of self-identification as a Russian citizen. 5. Data from the study of the general sample show regional differences in the migration/emigration plans of young people.

Scientific novelty. The empirical possibilities of the systems approach and the theory of ecological systems by U. Bronfenbrenner to the study of student youth resilience have been tested. The relationships between young people resilience and their attitude to the prospects of the profession, migration/emigration intentions, and social identity are revealed. The targets of influence on increasing students' resilience during their studies at the university are determined.

Practical significance. The results of the present study can be used for individual support of students and in the preparation of university curricula.

Keywords: resilience, youth, students, optimistic/pessimistic vision of the future, self-identification, migration intentions.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-29-07409МК "Socio-Psychological Resources of Human Resilience in Conditions of Uncertainty".

For citation: Makhnach A. V., Laktionova A. I., Postylyakova Yu. V. Resilience of student youth in Russia under uncertainty. *The Education and Science Journal*. 2022; 24 (5): 90–121. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-90-121

Введение

В данной статье мы анализируем жизнеспособность молодых людей – студентов вузов в возрасте 19–23 лет. Необходимость изучения жизнеспособности данной возрастной группы определяется тем, что этот период в жизни человека отличается высоким уровнем неопределенности в связи с предстоящими серьезными изменениями по окончании обучения. В условиях неопределенности возрастает актуальность исследований в области жизнеспособности человека, поскольку именно она является ключевым фактором способности человека справиться с трудностями и выживать в условиях невзгод.

Рассмотрим подробнее особенности этого возрастного периода жизни студенческой молодежи. С приближающимся окончанием университета перед старшекурсниками и магистрантами встают серьезные проблемы поиска работы, необходимости адаптации в новом профессиональном коллективе. Еще не сложившееся умение работать и часто нереалистичные ожидания приводят к общей неудовлетворенности как собой, так и теми возможностями, которые видят перед собой молодые люди. Особую сложность представляет множественность выборов дальнейшего пути в жизни и необходимость определения целей при их общей размытости и неопределенности. Так, J. J. Arnett обращает внимание на экспериментальный и исследовательский характер этого периода, который он называет «формирующейся взрослостью» [1].

Высокая степень неопределенности настоящего и будущего, связанная с особенностями этого жизненного этапа, осложняется тем, что данный возрастной период может быть связан также с двумя кризисами – выбора профессии и профессиональных ожиданий (А. Б. Райхельгауз [2]). Э. Э. Сыманюк и А. А. Печеркина рассматривают жизнеспособность в качестве «психологического предиктора конструктивного профессионального развития», отмечая, что «изучение роли жизнеспособности в конструктивном профессиональном развитии личности остается вне поля исследовательского интереса» [3, с. 525].

Наиболее точно решению изучаемой проблемы жизнеспособности молодежи отвечает теория экологических систем Ю. Бронфенбреннера), позволяющая исследовать контексты формирования и развития жизнеспособности человека, а также системный подход Б. Ф. Ломова к научному познанию, который предлагает не только системное видение психики, но и процесс ее познания, начиная с планирования и организации эксперимента до установления законов, субординации понятий и принципов.

Исходя из вышесказанного целью нашего исследования является изучение взаимосвязей жизнеспособности молодых людей с их отношением к

перспективам будущей профессиональной деятельности, миграционными/эмиграционными намерениями, социальной идентичностью, отражающей их принадлежность к стране, региону, городу.

Для реализации поставленной цели была сформулирована следующая *задача*: исследовать взаимосвязи между жизнеспособностью молодых людей и такими характеристиками, как оптимистическое/пессимистическое видение будущего, самоидентификация, эмиграционные/миграционные намерения.

Гипотеза исследования: уровень жизнеспособности студентов связан с оптимистичным/пессимистичным видением своего профессионального будущего в России, самоидентификацией, отражающей принадлежность к стране, региону, городу и миграционными и эмиграционными намерениями.

При этом были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Какие ресурсы (индивидуальные, семейные, контекстуальные) в структуре жизнеспособности студентов-старшекурсников являются преобладающими?

2. Каковы различия в психологических установках молодых людей с высоким и низким уровнем жизнеспособности, связанных с отношением к возможностям и перспективам будущей профессиональной деятельности?

3. Каковы отличия в социальной идентичности молодых людей в группах с высокой и низкой жизнеспособностью в связи с их миграционными и эмиграционными намерениями.

4. Насколько высоко оценивается студентами физическая, психологическая поддержка своей семьи и друзей в группах респондентов с низкой и высокой жизнеспособностью?

Ограничения исследования состоят в том, что данные для эмпирического изучения жизнеспособности студентов собирались в разные временные отрезки: часть эмпирической базы была собрана до начала пандемии, часть – уже в условиях локдауна, частичной или полной самоизоляции студентов (индивидуальной или групповой). В связи с этим результаты исследования нуждаются в дополнительной верификации на идентичных выборках студентов, которые обучаются в смешанном режиме. В продолжении исследования необходимо учесть фактор изменения формы обучения и вероятностное влияние на оптимистическое/пессимистическое видение будущего респондентами, их самоидентификацию и эмиграционные/миграционные намерения, усиление фактора неопределенности. Фактор риска – глобальный кризис и изменения в мировой экономике при пандемии COVID-19 – также в незначительной степени учтен в исследовании и расставляет новые перспективы для дальнейших исследований. Было бы целесообразно сопоставить отношение и оптимистическое/пессимистическое видение будущего у респондентов с низкой и высокой жизнеспособностью, но уже с учетом этого фактора риска.

Обзор литературы

Понятие «жизнеспособность» описывается в разных теоретических подходах и концепциях, и относительно долгая история исследований с выделением четырех волн изучения этого феномена, проанализированная А. Masten [4] и обоснованная А. В. Махначем [5] пятая волна не добавили определенности в его концептуализацию, что является актуальной научной проблемой. Концептуализация термина «жизнеспособность» в исследованиях последних лет происходит преимущественно в русле теории экологических систем Ю. Бронфенбреннера [6], в которой акцент на философию экологического бытия позволяет расширить понимание этого феномена от узко детерминированного теми или иными факторами защиты и риска до системной характеристики человека. В русле *экологического подхода* к изучению жизнеспособности разрабатывается ее социально-экологическая модель (M. Ungar) [7], включающая в себя четыре области, каждая из которых характеризует жизнеспособность подростков и молодежи: индивидуальные характеристики, отношения, общество и государство, культура. Другим теоретическим основанием изучения жизнеспособности служат *общесистемные представления* о структурно-функциональном строении пространства существования объектов как системы. На основе общесистемных закономерностей психических явлений, выделенных Б. Ф. Ломовым (связей, тенденций, зависимостей, вариативности, повторяемости, сферы действия, границ применения) [8], происходит выявление признаков жизнеспособности разных групп респондентов по возрасту, профессиям, условиям жизнедеятельности, что позволяет анализировать закономерности функционирования объектов и их эмпирического изучения. В определении жизнеспособности человека мы выделяем ее функционально-динамический принцип, при котором этот феномен рассматривается как способность к управлению функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на индивидуальных ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах. Наличие противоречий в большинстве современных определений жизнеспособности (человека, семьи, группы, общества) не только означает, что нет согласия по этому поводу, но также связано с поиском общего в большом количестве частных – переменных, отражающих суть этого понятия. С другой теоретической позиции – *социального понимания* (social cognition) как относительно новой междисциплинарной области исследований, представляющей объединение философии сознания, аналитической эпистемологии, когнитивной психологии, – жизнеспособность рассматривается как зонтичная характеристика, создаваемая посредством взаимодействия молодых людей с несколькими взаимодействующими системами (например, школой, семьей). Защитные факторы жизнеспособности при

этом рассматриваются как поддерживающие аспекты жизни подростков или молодых людей, которые, несмотря на значительные угрозы, помогают им справиться с ними и добиться позитивной адаптации. Защитные факторы действуют одновременно и взаимодействуют на разных уровнях. Они включают в себя индивидуальные факторы, такие как интеллектуальные навыки и ориентации, а также широкую социальную среду и отношения (Т. Burchardt, М. С. Huerta [9], L. Lewis et al. [10]). Общей характеристикой для большинства определений является то, что жизнеспособность – процесс, способность или результат успешной адаптации к этим условиям или их трансформации, несмотря на сложные или угрожающие обстоятельства, что предполагает наличие жизненных невзгод, неблагополучия (А. В. Махнач [5], S. S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker [11], N. Kirby, B. Wright, V. Allgar [12], A. S. Masten, A. Tellegen [13]). По мнению А. Hart с соавторами, еще одна закономерность в концептуализации понятия отмечается в том, что понимание жизнеспособности и того, как она помогает человеку справиться с невзгодами, также зависит от характера невзгод (независимо от того, определены они явно или неявно), которые могут быть связаны или не связаны с социальным неблагополучием человека или социальной группы [14]. Жизнеспособность характеризует взаимно значимые отношения между человеком и его социальным окружением и охватывает по крайней мере некоторую возможность изменения экологического контекста самим человеком. Таким образом, в психологической науке идет процесс концептуализации понятия «жизнеспособность» в нескольких научных направлениях, вместе с тем концепт «жизнеспособность» на этом этапе его операционализации может быть использован для объяснения феноменологии жизнеспособности студентов как большой социальной группы, начинающей путь в профессии в условиях неопределенности.

С начала изучения феноменологии жизнеспособности перед учеными стоит вопрос об определении факторов риска, препятствующих проявлениям жизнеспособности, и факторов защиты, способствующих ей. Например, М. Е. Zinn, Е. D. Huntley, D. P. Keating отмечают, что традиционно жизнеспособность подростков и молодых людей в психологии изучается в связи с их способностями противостоять неблагоприятным событиям жизни, выходить из этих испытаний со сформированным навыком совладания с ними и развитием способности применять полученный опыт в дальнейшем [15]. Отметим, что как в российской, так и в западной психологии широкое распространение получили исследования, направленные на изучение особенностей жизнеспособности молодежи и ее социальной адаптации к условиям трансформирующегося мира, а также на изучение факторов риска и защитных факторов, влияющих на позитивное развитие их даль-

нейшей жизненной траектории. Однако, несмотря на увеличивающееся с каждым годом количество исследований в области жизнеспособности молодежи, «изучение роли жизнеспособности в конструктивном профессиональном развитии личности остается вне поля исследовательского интереса» (Э. Э. Сыманюк, А. А. Печеркина [3, с. 525]). D. F. Freitas с соавторами выделяют способность молодых людей выживать в условиях насилия, агрессии, буллинга – факторов риска [16]. G. Gabrielli с соавторами и S. Rodríguez с соавторами обращают внимание на отличия в академической жизнеспособности у студентов-эмигрантов первого и второго поколений, которые проявляют способность «превзойти шансы» и добиться положительных результатов в учебе, несмотря на социально-экономическое неблагополучие. Такие компоненты жизнеспособности, как их убеждения в самоэффективности, позитивная домашняя обстановка и отношение к языку дома, способствуют хорошей адаптации студентов [17; 18]. I. Di Maggio с соавторами выделяют особенности в восприятии будущего, показав, что склонность уделять время размышлениям о будущем и уверенность в том, что вы готовы столкнуться с проблемами и угрозами, полезны для содействия более адаптивному развитию карьеры, которое может начать формироваться с подросткового возраста [19].

Поиск детерминант жизнеспособности молодых людей в условиях неопределенности – проблема крайне актуальная, поэтому ей посвящают все большее число работ. Вместе с тем по-прежнему существует потребность в поиске наиболее стабильных и универсальных детерминант жизнеспособности. В частности, в ряде исследований отмечается, что жизнеспособность связана со способностью человека использовать доступные ему ресурсы, обеспечивающие жизнь и здоровье, и с предоставлением необходимых ресурсов в соответствии с социальным и экологическим контекстом жизни человека (А. В. Махнач [5], G. A. Bonanno et al. [20], A. Hart et al. [14], M. Ungar [7]). Несмотря на то, что многие исследования связаны с изучением преимущественно факторов риска, относящихся к поведению, которое может являться дисфункциональным, жизнеспособность молодого человека в новых, неосвоенных им условиях представляет собой развитие механизмов преодоления трудностей. Эти стратегии необходимо понимать в конкретном контексте и с позиции самой молодежи. Подростки и молодые люди активно пытаются найти выход из потенциально опасных ситуаций, что предполагает несколько способов интерпретировать их поведение (M. Ungar) [7].

Отметим, что тема жизнеспособности молодежи в условиях влияния тех или иных факторов риска широко представлена уже в нескольких областях психологии. В *педагогической психологии* жизнеспособность в качестве фактора устойчивости к дезадаптационным проявлениям у молодежи рассма-

тривается в работах С. А. Наличаевой и А. К. Дячук [21]. Изучению жизнеспособности студентов в разных контекстах их жизнедеятельности посвящен ряд работ (С. Н. Морозюк, И. А. Горбенко, Е. С. Кузнецова [22], Ю. В. Постылякова [23; 24], Л. Б. Райхельгауз [2], А. В. Тараканов [25], R. Gómez-Molinero et al. [26]). В *социальной психологии* А. А. Нестерова провела исследования жизнеспособности безработной молодежи [27]. Жизнеспособность молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими (часто – неблагоприятными) условиями жизни анализируется целым рядом авторов (А. В. Махнач и др. [28]). В *психологии развития* возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте исследуются в работах Е. В. Куфтяк [29], А. И. Лактионовой [30], J. M. Twenge et al. [31].

Современные исследования жизнеспособности студентов, начинающих профессиональную карьеру, посвящены изучению стратегий эмоциональной регуляции при поиске работы старшекурсниками, карьерной адаптивности, удовлетворенности жизнью в связи с первыми предложениями работы (L. Wang et al. [32]). Вопросы жизнеспособности и адаптации молодых людей к студенческой жизни поднимаются в ряде исследований, направленных на изучение факторов риска, например, суицидов среди первокурсников (E. Aizpurua, F. Caravaca-Sánchez, L. A. Taliaferro [33], J. Bantjes et al. [34]). Взаимодействие двух факторов – индивидуального и контекстного – должно способствовать позитивной адаптации, академической успешности в обучении, несмотря на невзгоды (A. R. Carroll) [35]. В качестве факторов жизнеспособности в исследованиях выделяется, в частности, умение использовать имеющийся жизненный опыт и эффективно принимать решения, разрабатывать жизнеспособные стратегии (A. Abdullah et al. [36]).

Исходя из анализа упомянутых выше работ можно говорить о высокой актуальности как теоретических, так и практико-ориентированных исследований жизнеспособности молодых людей в силу «необходимости помощи представителям цифрового поколения в развитии способности к прогнозированию своего будущего, наполнении оптимистическим смыслом будущего, в том числе профессионального, в изменении фаталистических установок девушек и юношей в отношении своего будущего» (Э. Ф. Зеер, Н. Г. Церковникова, В. С. Третьякова) [37, с. 178].

По обзору литературы сделаем следующие выводы.

Ввиду множественности определений в психологии понятия «жизнеспособность» и разных теоретических оснований для его концептуализации и операционализации считаем важным остановиться на основных теоретических основаниях, с позиции которых следует проводить анализ жизнеспособности студентов как большой социальной группы. Этими основаниями являются системный подход Б. Ф. Ломова [8], теория экологических систем

Ю. Бронфенбреннера [6], экологический подход к изучению жизнеспособности и ее социально-экологическая модель М. Унгара [7], концепции социального понимания Т. Burchardt, М. С. Huerta [9], L. Lewis et al. [10].

Для продолжения изучения жизнеспособности молодежи остается открытым вопрос об определении факторов риска, препятствующих проявлениям их жизнеспособности, и факторов защиты, способствующих ей. Приведенные данные о месте факторов риска в жизни молодых людей подтверждаются рядом изысканий, но при этом важно продолжать исследования жизнеспособности молодежи в постоянно изменяющемся мире с возрастающей значимостью фактора неопределенности. Акцент на роли защитных факторов в жизни молодого человека, влияющих на позитивное развитие их дальнейшей жизненной траектории, становится принципиально актуальным, и эта область является недостаточно изученной.

Методология, материалы и методы

Методологические подходы: исследование выполнено в русле системного подхода и теории экологических систем Ю. Бронфенбреннера, позволяющих выявить значимые взаимосвязи интегративных показателей жизнеспособности студентов последних курсов университетов с их характеристиками социальной идентичности, отношением к перспективам будущей профессиональной деятельности и миграционным/эмиграционным намерениям.

В исследовании принимали участие студенты старших и выпускных курсов, а также магистранты российских университетов (N = 993 чел., средний возраст равен $21,49 \pm 2,274$), из них юношей 341 чел., девушек 652 чел. Выборка по городам составила: Челябинск – 209 чел., Йошкар-Ола – 282 чел., Чита – 146 чел., Мурманск – 126 чел., Хабаровск – 88 чел., Краснодар – 89 чел., Симферополь – 48 чел.

В исследовании были использованы:

1. Опросник жизнеспособности детей и молодежи – 28 (Child and Youth Resilience Measure – 28, CYRM-28; Ungar, Liebenberg, 2011 [38]), адаптированный А. В. Махначем и А. И. Лактионовой в 2005–2008 г. [39]. Этот опросник позволяет оценить три интегративных показателя жизнеспособности: «Индивидуальные ресурсы» (оценивают навыки решения проблем, настойчивость в достижении цели, знание своих сильных сторон, навыки поведения в различных ситуациях, умение обращаться за помощью и поддержкой, способность применять эти навыки в жизни, наличие поддержки среди друзей); «Семейная поддержка» (оценивает восприятие респондентом физической и психологической семейной поддержки); «Контекст» (оценивает

отношение к образованию, стране, культурным традициям и значение для человека религии как источника силы). По результатам этих шкал рассчитывается интегральный показатель – «Общая жизнеспособность».

2. Анкета «Жизнеспособность студенческой молодежи», направленная на изучение социальной идентичности молодых людей, их отношение к перспективам будущей профессиональной деятельности и миграционным/эмиграционным намерениям.

После проведения анкетного опроса и тестирования полученные данные были подвергнуты статистическому анализу. Использовались следующие статистические методы: описательные статистики, частотный анализ, сравнение средних на основе Т-критерия Стьюдента. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS 23.0.

Результаты исследования

На первом этапе исследования была оценена жизнеспособность студентов на общей выборке (N = 993). Средние показатели жизнеспособности и стандартные отклонения приведены в таблице 1.

Жизнеспособность студентов. Общая выборка

Для ответа на исследовательский вопрос: «Какие индивидуальные ресурсы в структуре жизнеспособности студентов-старшекурсников являются ведущими, каковы выраженность этих ресурсов?» были определены средние показатели жизнеспособности по всей выборке (таблица 1).

Таблица 1

Средние показатели жизнеспособности по всей выборке (N = 993)

Table 1

Average indicators of resilience for the entire sample (N = 993)

Шкалы/Scales	Min	Max	M	SD
Возраст / Age	19	23	21,49	2,274
Жизнеспособность индивидуальная / Individual resilience	17	55	44,77	6,12
Жизнеспособность семейная / Family resilience	9	35	27,93	5,502
Жизнеспособность контекстуальная/ Context resilience	14	50	34,86	5,912
Жизнеспособность общая / Total resilience	46	140	107,55	15,049

По приведенным выше данным отмечается, что в структуре жизнеспособности студентов индивидуальные ресурсы являются преобладающими, к которым прежде всего и обращаются респонденты, что связано с их вхождением в самостоятельную жизнь (переезд в другой город на учебу, использование своих социальных навыков в новых условиях жизни). Это подтверждает и проведенное нами сравнение средних показателей трех шкал Опросника CYRM-28 между собой: показатели шкал значительно различаются ($p < 0,001$), при этом абсолютное значение показателя шкалы «Жизнеспособность индивидуальная» выше показателей шкал «Жизнеспособность семейная» и «Жизнеспособность контекстуальная».

Семейная и общая жизнеспособность имеют средний уровень выраженности. В свою очередь, ресурсы, относящиеся к контекстуальным (отношение к стране, культуре, традициям, образованию, религиозный опыт и духовность), студенты оценивают низко. Эти результаты соответствуют данным, полученным ранее в наших исследованиях (А. И. Лактионова) [30; 40], (А. В. Махнач и др.) [28]. Низкая субъективная оценка контекстуальных ресурсов отражает, на наш взгляд, сложность и неопределенность этого периода в жизни респондентов.

Планирование будущего студентами.

Сравнение групп с высокой и низкой жизнеспособностью

С целью изучения различий между студентами с высокой и низкой жизнеспособностью в их отношении к возможностям и перспективам своего будущего, миграционным и эмиграционным намерениям и самоидентификации, отражающей их принадлежность к стране, региону, городу, из общей выборки респондентов были выделены две группы с высокими (от 117 баллов и выше) и низкими (от 98 баллов и ниже) значениями показателя «Общая жизнеспособность». Были сформированы группа с высокими ($n_1 = 253$) и низкими ($n_2 = 248$) значениями этого показателя. Сравнение, проведенное на основе Т-критерия Стьюдента, выявило статистически достоверные различия между данными двух групп по всем показателям жизнеспособности (таблица 2).

Таким образом, отмечаются значимые различия по показателям индивидуальной, контекстуальной и семейной жизнеспособности между двумя группами. Студенты с низкой жизнеспособностью дают низкую субъективную оценку своих ресурсов. Они также демонстрируют пессимистическое видение своего будущего в России, более высокие эмиграционные намерения и более низкие показатели идентификации себя как россиянина – об этом свидетельствуют нижеприведенные результаты анкетирования.

Таблица 2

Значения средних показателей жизнеспособности в группах с высокими (n1 = 253) и низкими (n2 = 248) значениями показателей жизнеспособности

Table 2

Mean values of resilience in groups with high (n1 = 253) and low (n2 = 248) values of resilience

Шкалы / Scales	Показатель / Value	N	M	SD	Т-критерий Стьюдента / Student's t-criterion
Жизнеспособность индивидуальная / Individual resilience	Низкий Low	248	37,73	5,698	-32,967*
	Высокий High	253	50,82	2,609	
Жизнеспособность семейная / Family resilience	Низкий Low	248	21,52	4,956	-33,731*
	Высокий High	253	32,94	1,98	
Жизнеспособность контекстуальная / Context resilience	Низкий Low	248	28,32	4,11	-37,448*
	Высокий High	253	41,45	3,731	
Жизнеспособность общая / Total resilience	Низкий Low	248	87,57	10,02	-51,489*
	Высокий High	253	125,21	5,726	

Примечание. * $p < 0,05$.

Note. * $p < 0,05$.

Далее приведем сравнительные данные из ответов на вопросы анкеты респондентов **из групп с высокими (группа 1) и низкими (группа 2) значениями показателей жизнеспособности.**

Следует пояснить, что у респондентов была возможность выбора одновременно нескольких ответов, поэтому их суммарное количество может превышать 100 %.

Как правило, исследования по теме планирования будущего студентами-специалистами связаны с двумя дискурсами: пессимистическим и оптимистическим видением себя. Отсюда и жизненная ориентация, которая может иметь определяющее значение для самого процесса обучения студентов и их дальнейшей социально-профессиональной адаптации. Мы видим, что при ответе на этот вопрос студенты с высокой жизнеспособностью дают значительно более оптимистичные ответы, чем респонденты с низкой жизнеспособностью. Все эти факты свидетельствует о необходимости разви-

тия оптимизма студентов, для повышения их способности к эффективному противостоянию трудностям жизни во время учебы в университете и последующей адаптации к условиям профессиональной деятельности.

Таблица 3

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, обеспечит ли Вам ваше образование в будущем...» в группах с высокими (1) и низкими (2) значениями показателя жизнеспособности, %

Table 3

Responses to the question “In your view, will your education provide you in future ...” in the groups with high (1) and low (2) values of the resilience indicator, %

Группы / Groups	Достаточный заработок / Sufficient income	Интересная работа / Interesting job	Востребованность на рынке труда / Demand in the labour market	Престижная работа / Prestigious job	Карьерный рост / Career growth	Самореализация в профессии / Self-realisation in the profession
Группа 1 / Group 1	53,8	75,1	69,6	30	51,4	68
Группа 2 / Group 2	36,3	58,9	62,9	17,3	30,2	45,2

По ответам на следующий вопрос анкеты у респондентов в группах с высокими (1) и низкими (2) значениями показателя жизнеспособности были получены следующие данные (таблица 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос «В будущем в России у Вас будет возможность профессионального и карьерного роста, и достойной жизни?» в группах с высокими (1) и низкими (2) значениями показателя жизнеспособности, %

Table 4

Responses to the question “In the future in Russia, you will have the opportunity for professional and career growth, and a decent life?” in the groups with high (1) and low (2) values of the resilience index, %

Группы / Groups	Да / Yes	Нет / No
Группа 1 / Group 1	90,9	9,1
Группа 2 / Group 2	61,7	38,3

В ответах на этот вопрос отмечаются заметные различия между респондентами с высокой и низкой жизнеспособностью. Более пессимистичное ожидание от будущего демонстрируют молодые люди с низкой жизнеспособностью.

Ответы респондентов на следующий вопрос (таблица 5) частично подтверждают эти данные.

Таблица 5

Ответы на вопрос «Где выше возможности достижения?» в группах с высокими (1) и низкими (2) значениями показателя жизнеспособности, %

Table 5

Responses to the question “Where is the higher possibility of achievement?” in the groups with high (1) and low (2) values of the resilience index, %

Группы / Groups	Москва, Санкт-Петербург / Moscow, Saint Petersburg	Крупные города / Big cities	Ваш го- род / Your city	Город, в ко- тором учи- тесь / City where you study	За рубежом / Abroad
Группа 1 / Group 1	25,7	59,3	29,2	30	23,7
Группа 2 / Group 2	26,6	58,9	25,8	24,2	30,2

Различия между группами с низкой и высокой жизнеспособностью видны только при выборе пункта «за рубежом», где более пессимистично настроенные молодые люди видят большие возможности будущих достижений. В обеих группах почти 60 % студентов выбирают при ответе на этот вопрос крупные города.

Однако при сравнении между собой миграционных и эмиграционных планов респондентов на будущее (таблица 6) значительной разницы между двумя выборками не было отмечено. Несмотря на то что, с точки зрения респондентов, проживание в крупных городах дает больше возможностей, собираются в них уехать около 30 % студентов в обеих группах. Схожий процент имеет выбор «Уехать в любой город, где есть работа» и «Остаться в городе учебы». Минимальное количество молодых людей планируют после учебы вернуться в родной город. Ответ «Уехать в другую страну» выбирают 15–20 % респондентов.

Таблица 6

Ответы на вопрос «Что Вы планируете после окончания учебы?» в группах с высокими (1) и низкими (2) значениями показателя жизнеспособности, %

Table 6

Responses to the question “What are your plans after graduation?” in the groups with high (group 1) and low (group 2) values of the resilience index, %

Группы / Groups	Вернуться в родной город / Return to hometown	Уехать в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные города / Leave for Moscow, Saint Petersburg, other large cities	Остаться в городе, где обучаюсь / Stay in the city where I study	Уехать в другую страну / Move to another country	Уехать в любой город, где есть работа / Move to any city where there is work
Группа 1 / Group 1	14,6	24,5	43,9	15,4	30,4
Группа 2 / Group 2	9,7	29,8	33,1	20,2	37,9

Для более полной картины миграционных и эмиграционных намерений молодых людей мы приводим здесь данные ответов респондентов общей выборки (N = 993) с разделением по городам (таблица 7).

Таблица 7

Ответы на вопрос «Что Вы планируете после окончания учебы?» по городам, %

Table 7

Responses to the question “What are your plans after graduation?” by city, %

Города / Cities	Вернуться в родной город / Return to hometown	Уехать в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные города / Leave for Moscow, St. Petersburg, other large cities	Остаться в городе, где обучаюсь / Stay in the city where I study	Уехать в другую страну / Move to another country	Уехать в любой город, где есть работа / Move to any city where there is work
Челябинск / Chelyabinsk	9,1	37,8	34,9	25,4	30,6

Йошкар-Ола / Yoshkar-Ola	13,5	28,4	41,5	11,3	36,9
Чита / Chita	13	24	37	8,9	37,7
Хабаровск / Khabarovsk	15,9	23,9	51,1	14,8	37,5
Краснодар / Krasnodar	10,1	13,5	59,6	25,8	23,6
Мурманск / Murmansk	14,3	34,1	43,7	19	23

По ответам всей выборки (таблица 7) подтверждаются данные, полученные на группах с высокими и низкими значениями показателей жизнеспособности: минимальное количество молодых людей планируют после учебы вернуться в родной город. Следует отметить также региональные различия в миграционных и эмиграционных планах молодежи.

Последний вопрос нашей анкеты касается самоидентификации студентов, отражающей их принадлежность к стране, региону, городу и отсутствие привязанности к какому-то определенному месту жительства.

Таблица 8

Ответы на вопрос «В первую очередь Я...» в группе с высокими (1) и низкими (2) значениями показателей жизнеспособности, %

Table 8

Responses to the question “First of all I am...” in the groups with high (1) and low (2) values of the resilience index, %

Группы / Groups	Росси- янин / Russian	Житель сво- его региона / Resident of my region	Житель сво- его города / Resident of my hometown	Человек мира / Man of the world	Другое / Other
Группа 1 / Group 1	49	22,9	15	27,3	4
Группа 2 / Group 2	31,5	21,4	15,3	36,3	10,1

Как указывает С. В. Фролова, несмотря на многочисленные исследования миграционного поведения, «остаются за пределами проблемного поля современных исследователей феномен приверженности стране и его социокультурная детерминация» [41, с. 350]. Наше исследование показывает связанность самоидентификации и планов на будущее у молодых людей.

Так, ранее при ответе на вопрос «Что Вы планируете после окончания учебы?» (таблица 6) минимальное количество молодых людей изъявило желание вернуться в родной город. Идентификация себя как жителя своего города также выражена у молодых людей в минимальной степени. Более высокие показатели идентификации себя как россиянина демонстрируют студенты с высокой жизнеспособностью, среди этой группы также меньше выражена космополитизма, они демонстрируют гораздо более оптимистичный взгляд на перспективы, возможности профессионального и карьерного роста, достойной жизни в России; также ниже и их эмиграционные намерения (таблицы 4, 5, 6).

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты (таблицы 3, 4) согласуются с данными других исследователей. Так, R. Gómez-Molinero с соавторами показали, что оптимизм, понимаемый как общее ожидание получения положительных результатов в будущем, в значительной степени предсказывает уровень жизнеспособности студентов университетов. Оптимистично настроенные студенты демонстрируют лучшую адаптацию к воздействию стресса, с которым они сталкиваются на этом переходном этапе, связанным, например, с финансовыми затратами, повышающимися с каждым годом обучения, требованиями к учебе и др. [26]. Поэтому личностный оптимизм является одним из наиболее важных аспектов развития жизнеспособности, а также позитивного отношения людей к неблагоприятным обстоятельствам (S. J. Lopez, J. T. Pedrotti, C. R. Snyder [42]). Оптимизм действует как фактор защиты, повышающий уровень жизнеспособности студентов и снижающий влияние психологического стресса, вызванного высоким уровнем неопределенности, характеризующим этот период их жизни (R. Gómez-Molinero et al. [26]).

Как известно, жизнеспособность также является предиктором снижения развития депрессивной психопатологии у молодых людей (А. В. Махнач и др. [28]). Этот результат согласуется с полученными ранее данными, доказывающими, что жизнеспособность является сильным защитным фактором против депрессии (G. A. Vonnano et al. [20]). Это означает, что студенты с высоким уровнем жизнеспособности могут использовать определенные стратегии для преодоления депрессивных симптомов, поскольку оба полюса конструкции свидетельствуют о способности человека справляться с негативными последствиями жизненных событий. Это представляется очень важным, так как депрессия наиболее часто появляется как симптом психического расстройства и отмечается даже рост депрессии среди современной молодежи (J. M. Twenge et al. [31]). По данным Т. П. Емельяновой и Т. В. Се-

меновый, «молодежь, которая получает образование, составляет 40,4 % лиц, испытывающих тревожно-депрессивное состояние» [43].

Вместе с тем одним из факторов, влияющих на жизнеспособность студенческой молодежи как в ходе их обучения в вузе, так и в процессе поиска работы и адаптации к ней, является социально-профессиональная идентичность. Она включает в себя понимание человеком своих карьерных возможностей, целей и ожидаемого успеха на работе: профессиональная самооценка (кто я?), профессиональный образ будущего (кем я хочу быть?) и профессиональная самоэффективность (могу ли я достичь этого?). Так, R. Keijzer и соавторы показывают, что жизнеспособность студентов из группы риска во многом зависит от их профессиональной идентичности, позволяющей им в будущем занять более независимое и устойчивое положение в обществе [44]. Для менее мотивированных групп студентов из группы риска взаимосвязь между жизнеспособностью и профессиональной идентичностью будет более сильной, при этом высокая мотивация к обучению как индивидуальная характеристика смягчает эту взаимосвязь (R. Keijzer et al.) [45]. Э. Ф. Зеер рассматривает социально-профессиональную идентичность «в качестве интегрирующей характеристики мотивов, потребностей, ценностных ориентации, ... определяющей конгруэнтность индивидуальной траектории Я-концепции и учебно-профессиональной деятельности» [46, с. 15]. Как считает автор, «формирование этих компетенций возможно при организации и проведении форсайт-сессий и конкурсов проектов „Мое профессиональное будущее“. Основным смыслом прогностической деятельности обучающихся – формирование жизнеспособности молодежи» [46, с. 17].

В связи с этим развитие социально-профессиональной идентичности у студентов может способствовать повышению осмысленности их дальнейших профессиональных целей и задач, повышению уровня мотивации и, как следствие, общему уровню их оптимистического видения возможностей, достижений и снижению депрессивной симптоматики.

Исследования показывают, что «неудовлетворенность жизнью является важным психологическим фактором эмиграционной активности молодежи» (Silventoinen et al., 2008; цит. по: Н. В. Муращенко [47]), а «потенциальные эмигранты – это люди с выраженными устремлениями достижений, но разочарованные невозможностью реализации своих планов в стране проживания. Для лиц с более высоким уровнем субъективного благополучия, как правило, характерны менее выраженные желания международной миграции» [47, с. 29].

Следует отметить, что полученные нами данные о планах молодых людей уехать в другую страну (см. таблицу 7) отличаются от данных Левада-Центра¹ и ВЦИОМ. Так, согласно Левада-Центру, «отмечается постепенный

¹ Внесен Минюстом в реестр НКО, выполняющих функции «иностранный агент».

рост эмиграционных настроений среди молодежи в возрасте 18–24 лет, продолжающийся с 2014 г. В сентябре 2019 г. более половины опрошенных (53 %) этого возраста выразили желание переехать за границу на постоянное место жительства. Наиболее часто упоминаемые причины, заставляющие задуматься о переезде¹:

- желание обеспечить детям достойное будущее за рубежом (45 %);
- экономическая обстановка (40 %) и политическая ситуация (33 %) в России;
- высокое качество медицинских услуг (35 %) и высокое качество образовательных услуг (26 %) за границей;
- возможности для карьерного роста за рубежом (28 %).

Согласно исследованию ВЦИОМ, посвященному изучению эмиграционных настроений россиян, доля желающих уехать за рубеж 18–24-летних в 2018 г. составила 31 %. По нашим данным, планируют уехать в другую страну от 8,9 до 25,8 % молодых людей в зависимости от места проживания. Причем эти планы, как мы отмечаем, минимально отличаются у респондентов с высокими и низкими значениями показателя жизнеспособности. Такое отличие наших данных от данных Левада-Центра и ВЦИОМ мы объясняем различием в задаваемых вопросах. В нашем исследовании мы задавали вопрос студентам об их планах, в то время как в указанных выше исследованиях речь шла о «желании уехать».

Фактически мы наблюдаем у молодежи различия между желанием и планированием будущего. «Настрой на отъезд вовсе не означает будущую эмиграцию. <...> Принято считать, что воплощают свое намерение в жизнь не более 3 % настроенных на эмиграцию, что составляет около 240 тыс. чел. ежегодно – непомерная цена, которую сегодня платит наша страна за неустроенность молодого поколения. Но и сам по себе столь высокий удельный вес установки на эмиграцию <...> как характеристика состояния массового сознания российской молодежи – показатель не менее тревожный, ибо перспектива развития страны во многом зависит от состояния умов и чувств сегодняшних школьников и студентов» (Р. Х. Симонян [48, с. 318]).

Как показало наше исследование (см. таблицу 7), минимальное количество молодых людей планирует после учебы вернуться в родной город. За этим стоят проблемы поиска работы – «узость горизонта возможностей для молодежи в малых городах ... придает ей дополнительный импульс к переменам» [48, с. 321]. Так, около трети всех респондентов готовы уехать в любой город, где есть работа. Как отмечает Э. Ф. Зеер, «Чем быстрее меняется мир, тем больше требуется предвидения будущего. Нестабильность рынка тру-

---

¹ <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4>.

да привела к тому, что полученное базовое профессиональное образование утратило свое перспективное значение и не гарантирует желаемую трудовую занятость молодежи. Сложившаяся ситуация становится конфликтующей реальностью и порождает у молодежи ... психическую напряженность, неуверенности в себе и в своем профессиональном будущем» [46, с. 11].

Данные, полученные на всей выборке (см. таблицу 7), показывают также региональные различия в миграционных и эмиграционных планах молодежи. Это говорит не только об экономических различиях регионов, но и о значимости субъективного фактора в управлении на региональном уровне. «Для успешного вовлечения молодежи в экономические, социальные и другие процессы регионов крайне важно в региональной молодежной политике учитывать интересы, потребности и намерения молодых людей, чтобы создавать условия для их самореализации» (М. Д. Петрова, Е. В. Малкова [49, с. 239]). Для этого необходимо определить «доминантные и вторичные факторы, способствующие закреплению молодых специалистов на местах, выявить неиспользованные ресурсы региона, включая как позитивный опыт региональной молодежной политики (акцент на расширение зоны «социальных лифтов», развитие социокультурной инфраструктуры региона, поддержку творческих проектов молодежи, инициатив, связанных с использованием регионального культурного капитала, при ограниченности местных бюджетов на строительство жилья и повышение оплаты труда), так и опыт работодателей по формированию социального пакета и созданию привлекательных рабочих мест» [48, с. 324].

Принятие своей страны и ее традиций, самоидентификация со своей страной – это значимый ресурс жизнеспособности человека [5]. Возвращаясь к данным, полученным нами при ответе на вопросы (см. таблицы 3, 4), мы видим гораздо менее оптимистичное и более депрессивное видение своего будущего у студентов с низкими значениями показателя жизнеспособности; у них же наблюдается значимо более низкая идентификация себя как россиянина (см. таблицу 8). Вышесказанное подтверждает взаимосвязь приверженности родной стране и жизнеспособности молодых людей. Это также согласуется с точкой зрения С. В. Фроловой о том, что «чем выше приверженность родной стране, тем больше личность защищена от функциональной депрессивной симптоматики, утраты смысла жизни, сниженного и подавленного фона настроения» [41, с. 352]. Н. В. Муращенкова на примере данных зарубежных исследователей показывает, что «психологически факторами, сдерживающими эмиграционную активность молодежи ... являются высокая степень привязанности к стране и месту проживания, высокая степень организационной приверженности, высокая степень привязанности к семье, партнеру, друзьям, удовлетворенность домом/семьей» [47, с. 31]. В связи с этим следует отметить, что, согласно нашим данным

(см. таблицу 2), студенты с более низкими показателями общей жизнеспособности также субъективно ниже оценивают физическую и психологическую поддержку своей семьи и друзей.

Мы говорили выше о важности в «региональной молодежной политике учитывать интересы, потребности и намерения молодых людей, чтобы создавать условия для их самореализации» (М. Д. Петрова, Е. В. Малкова) [49, с. 239]. Одновременно с этим необходимо формирование региональной и общероссийской идентичности в ходе обучения студентов в вузе. Так, проведенный О. А. Сычевым и соавторами «анализ результатов опроса 1020 человек из 11 регионов России показал, что этика сообщества и разные типы идентичности связаны с миграционными намерениями. Обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями сильнее при высокой выраженности региональной и общероссийской идентичности. Установки на преданность своей стране и ее прославление опосредствуют связь этики сообщества и миграционных намерений» [50, с. 52].

Заключение

Студенческий возраст связан с очень высокой степенью неопределенности, поисками своего пути, осмыслением целей и возможностей их достижения. Это может приводить к растерянности, возникновению утраты смысла жизни, развитию депрессивных состояний и снижению общей жизнеспособности у молодых людей. Неудовлетворенность жизнью, отсутствие осознания своих возможностей серьезно снижает эффективность их деятельности, повышает уровень их эмиграционных намерений и влияет на перспективу развития страны в целом.

В нашем исследовании было выявлено, что для развития жизнеспособности студентов необходимо в ходе их обучения в вузе формировать социально-профессиональную идентичность, позволяющую лучше осознавать свое место в профессии, направленность выбора жизненного и профессионального пути, ставить себе ясные цели дальнейшего развития и связанных с ним достижений. Это делает осмысленной их учебу и повышает мотивацию к ней, а следовательно, и академическую успеваемость, препятствуя желанию бросить то, в чем они перестают видеть смысл. Это позволит также развивать их оптимизм, понимаемый как общее ожидание получения положительных результатов в будущем.

Для студентов с низкой жизнеспособностью, у которых крайне низкая степень укорененности в своей стране, семье и сообществе и, как следствие, субъективное или объективное отсутствие ресурсов, способствующих их жизнеспособности, необходимо в ходе обучения целенаправленно формировать региональную и российскую идентичность. Большое значение имеет

также продуманная региональная молодежная политика, учитывающая интересы, потребности и намерения молодых людей, создающая условия для их самореализации.

Выводы:

1. Исследование жизнеспособности российской студенческой молодежи, проведенное на выборке студентов старших и выпускных курсов, а также магистрантов российских университетов (N = 993), показало: в структуре жизнеспособности студентов индивидуальные ресурсы являются ведущими; семейные ресурсы и общая жизнеспособность имеют средний уровень выраженности; ресурсы, относящиеся к контекстуальным (отношение к стране, культуре, традициям, образованию, религиозный опыт и духовность), студенты субъективно оценивают низко.

2. Сравнительное исследование различий в психологических установках молодых людей, связанных с отношением к возможностям и перспективам будущей профессиональной деятельности, показало: студенты с высоким уровнем жизнеспособности гораздо оптимистичнее оценивают возможности профессионального и карьерного роста, и достойной жизни в будущем в России в отличие от молодых людей с низкой жизнеспособностью, которые видят большие возможности будущих достижений за рубежом.

3. Социальная идентичность молодых людей различается в группах с высокой и низкой жизнеспособностью и связана с миграционными и эмиграционными намерениями. Более высокие показатели идентификации себя как россиянина демонстрируют студенты в группе с высокой жизнеспособностью, среди этой группы также меньше выраженность космополитизма и эмиграционных планов.

4. Низкая субъективная оценка физической и психологической поддержки своей семьи и друзей и неудовлетворенность домом/семьей и друзьями отмечается в группе респондентов с низкой жизнеспособностью, также демонстрирующей пессимистическое видение своего будущего в России, более высокие эмиграционные намерения и более низкие показатели идентификации себя как россиянина.

Список использованных источников

1. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (5). P. 469–480. DOI:10.1037/0003-066X.55.5.469

2. Райхельгауз Л. Б. Резильентность образовательных результатов как новый принцип современной дидактики // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 4 (109). С. 8–14. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446

3. Сьманюк Э. Э., Печеркина А. А. Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития // *Жизнеспособность человека: индивидуальные,*

профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, А. Г. Дикая. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 525–537.

4. Masten A. S. Resilience in developing systems: Progress and promise as the fourth wave rises // *Development and Psychopathology*. 2007. Vol. 19. P. 921–930. DOI: 10.1017/S0954579407000442

5. Махнач А. В. Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // *Разработка понятий современной психологии* / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 551–578.

6. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development: experiments by nature and design*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.

7. Ungar M. Social Ecologies and Their Contribution to Resilience // In: *The Social Ecology of Resilience. A Handbook of Theory and Practice* / M. Ungar (Ed.). New York: Springer, 2012. P. 13–31.

8. Ломов Б. Ф. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука, 1984. 226 с.

9. Burchardt T., Huerta M. C. Introduction: Resilience and social exclusion // *Social Policy and Society*. 2009. Vol. 8 (1). P. 59–61. DOI: 10.1017/S1474746408004582

10. Lewis L., Ormerod E., Ecclestone K. The concept of resilience and implications for interventions in schools // In: *Childhood well-being and resilience: Influences on educational outcomes* / Z. Williams-Brown, S. Mander (Eds.). London: Routledge, 2021. P. 20–32.

11. Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. Vol. 71. P. 543–562. DOI: 10.1111/1467-8624.00164

12. Kirby N., Wright B., Allgar V. Child mental health and resilience in the context of socioeconomic disadvantage: results from the Born in Bradford cohort study // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2020. Vol. 29 (4). P. 467–477. DOI: 10.1007/s00787-019-01348-y

13. Masten A., Tellegen A. Resilience in developmental psychopathology: Contributions of the Project Competence Longitudinal Study // *Development and Psychopathology*. 2012. Vol. 24 (2). P. 345–361. DOI: 10.1017/S095457941200003X

14. Hart A., Gagnon E., Eryigit-Madzwamuse S., Cameron J., Aranda K., Rathbone A., Heaver B. Uniting resilience research and practice with an inequalities approach // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6 (4). Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016682477> (date of access: 20.09.2021). DOI: 10.1177/2158244016682477

15. Zinn M. E., Huntley E. D., Keating D. P. Resilience in adolescence: Prospective Self moderates the association of early life adversity with externalizing problems // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 81. P. 61–72. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.04.004

16. Freitas D. F., Coimbra S., Marturano E. M., Marques S. C., Oliveira J. E., Fontaine A. M., Resilience in the face of peer victimisation and discrimination: The who, when and why in five patterns of adjustment // *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 59. P. 19–34. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.05.009

17. Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1935657> (date of access: 10.06.2021). DOI: 10.1080/1369183X.2021.1935657

18. Rodríguez S., Valle A., Martins Gironelli L., Guerrero E., Regueiro B., Estévez I. Performance and well-being of native and immigrant students. Comparative analysis based

on PISA 2018 // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 85. P. 96–105. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.10.001

19. Di Maggio I., Ginevra M.C., Nota L., Soresi S. Development and validation of an instrument to assess future orientation and resilience in adolescence // *Journal of Adolescence*. 2016. Vol. 51. P. 114–122. DOI: 10.1016/j.adolescence.2016.06.005

20. Bonanno G. A., Galea S., Bucciarelli A., Vlahov D. What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2007. Vol. 75 (5). P. 671–682. DOI: 10.1037/0022-006X.75.5.671

21. Наличаева С. А., Дячук А. К. Жизнеспособность как фактор устойчивости к дезадаптационным проявлениям у молодежи [Электрон. ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2019. Т. 4. № 2. С. 44–91. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document456.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

22. Морозюк С. Н., Горбенко И. А., Кузнецова Е. С. Феномен «жизнеспособность» у старших школьников и студентов в условиях современного образования // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2020. № 4. С. 18–27. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10036

23. Постылякова Ю. В. Индивидуальная жизнеспособность и ресурсы студентов вуза [Электрон. ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2018. Т. 3, № 1. С. 92–108. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

24. Постылякова Ю. В. Индивидуальная жизнеспособность и индивидуально-психологические ресурсы студентов с разной академической успеваемостью [Электрон. ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2020. Т. 5, № 1. С. 61–80. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document529.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

25. Тараканов А. В. К вопросу о метакогнитивных регуляторах жизнеспособности у студентов вуза // *Профессиональное образование в современном мире*. 2020. № 10 (4). С. 4359–4368. DOI:10.20913/2618-7515-2020-4-19

26. Gómez-Moliner R., Zayas A., Ruiz-González P., Guil R. Optimism and resilience among university students // *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 2018. Vol. 1 (1). P. 147–154. DOI: 10.17060/ijodaep.2018.n1.v1.1179

27. Нестерова А. А. Потребностно-мотивационный и регуляторный компоненты жизнеспособности безработной молодежи // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Москва, 2017. С. 2468–2478.

28. Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В., Горьковая И. А., Микляева А. В., Сараева Н. М., Суханов А. А., Терон Л., Унгар М. Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями жизни // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42, № 4. С. 16–27. DOI: 10.31857/S020595920016005-1

29. Куфтяк Е. В. Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. Т. 23, № 4. С. 31–33.

30. Лактионова А. И. Взаимосвязь дифференциального типа рефлексии и компонентов жизнеспособности человека в разных возрастных группах [Электрон. ресурс] //

Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5, № 4. С. 193–217. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008 Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document622.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

31. Twenge J. M., Cooper A. B., Joiner T. E., Duffy M. E., Binau S. G. Age, period, and cohort trends in mood disorder indicators and suicide-related outcomes in a nationally representative dataset, 2005–2017 // *Journal of Abnormal Psychology*. 2019. Vol. 128 (3). P. 185–199. DOI: 10.1037/abn0000410

32. Wang L., Xu H., Zhang X., Fang P. The relationship between emotion regulation strategies and job search behavior among fourth-year university students // *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 59. P. 139–147. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.06.004

33. Aizpurua E., Caravaca-Sánchez F., Taliaferro L. A. Suicidality among college students in Spain: Prevalence and associations with substance use, social support, and resilience [Электрон. ресурс] // *Death Studies*. 2021. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07481187.2021.1888823?af=R&journalCode=udst20> (date of access: 10.06.2021). DOI: 10.1080/07481187.2021.1888823

34. Bantjes J., Breet E., Saal W., Lochner C., Roos J., Taljaard L., Mortier P., Auerbach R.P., Bruffaerts R., Kessler R.C., Stein D.J. Epidemiology of non-fatal suicidal behavior among first-year university students in South Africa // *Death Studies*. 2019. DOI: 10.1080/07481187.2019.1701143

35. Carroll A. R. Betrayal trauma and resilience in former foster youth // *Emerging Adulthood*. 2020. Vol. 10 (2). P. 459–472. DOI:10.1177/2167696820933126

36. Abdullah A., Cudjoe E., Emery C. R., Frederico M. Moving towards independent living in Ghana: Narratives from young adults about their kinship care experience // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 79. P. 148–156. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.01.005

37. Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // *Образование и наука*. 2021. Т. 23, № 6. С. 153–184. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-153-184

38. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. Vol. 5 (2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607

39. Лактионова А. И., Махнач А. В. Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // *Социальная психология труда: Теория и практика*. Т. 1. / Отв. ред. А. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 459–477.

40. Лактионова А. И. Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Часть 1 [Электрон. ресурс] // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021. Т. 6, № 4. С. 103–133. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005 Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document720.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

41. Фролова С. В. Социокультурная интегрированность образной сферы и приверженность своей стране российских и иностранных студентов вузов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*. 2017. Т. 6, вып. 4 (24). С. 349–355. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-349-355

42. Lopez S. J., Pedrotti J. T. Snyder C. R. *Positive psychology: The scientific and practical explorations of human strengths* (3rd Ed.). Sage Publications, 2021. 600 p.

43. Емельянова Т. П., Семенова Т. В. Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты [Электрон. ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 4. С. 87–102. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document718.pdf> (дата обращения: 11.07.2021). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_004

44. Keijzer R., Admiraal W., van der Rijst R., van Schooten E. Vocational identity of at-risk emerging adults and its relationship with individual characteristics // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2020. Vol. 20 (2). P. 375–410. DOI: 10.1007/s10775-019-09409-z

45. Keijzer R., van der Rijst R., van Schooten E., Admiraal W. Individual differences among at-risk students changing the relationship between resilience and vocational identity // *International Journal of Educational Research*. 2021. Vol. 110. Article number 101893. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035521001622> (date of access: 12.09.2021). DOI: 10.1016/j.ijer.2021.101893

46. Зеер Э. Ф. Прогнозирование профессионального будущего личности: психологический аспект // Прогнозирование профессионального будущего молодежи в условиях цифровой экономики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во: Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2020. С. 10–17.

47. Муращенко Н. В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 1. С. 25–41. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41

48. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16

49. Петрова М. Д., Малкова Е. В. Миграционная молодежная политика: к определению понятия «Региональная лояльность» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 238–250.

50. Сыгчев О. А., Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., Аношкин И. В. Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 52–63. DOI: 10.31857/S020595920015193-8

References

1. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*. 2000; 55 (5): 469–480. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.469

2. Raikhelgauz L. B. Resilience of educational results as a new principle of modern didactics. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019; 4 (109): 8–14. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446 (In Russ.)

3. Symaniuk E. E., Pecherikina A. A. Zhiznesposobnost' kak prediktor konstruktivnogo professional'nogo razvitiya = Resilience as a predictor of constructive professional development. In: Makhnach A. V., Dikaya L. G. (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyye, professional'nyye i sotsial'nyye aspekty = Human resilience: Individual, professional and social aspects*. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS"; 2016. p. 525–537. (In Russ.)

4. Masten A. S. Resilience in developing systems: Progress and promise as the fourth wave rises. *Development and Psychopathology*. 2007; 19: 921–930. DOI: 10.1017/S0954579407000442
5. Makhnach A. V. Zhiznesposobnost' cheloveka: novoe ponjatie i novye vyzovy = Human resilience: A new concept and new challenges. In: Sergienko E. A., Zhuravlev A. L. (Eds.). *Razrabotka ponyatii sovremennoy psikhologii = Development of concepts of modern psychology*. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS"; 2018. p. 551–578. (In Russ.)
6. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1979. 330 p.
7. Ungar M. Social ecologies and their contribution to resilience. In: M. Ungar (Ed.). *The social ecology of resilience. A handbook of theory and practice*. New York: Springer; 2012. p. 13–31.
8. Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Publishing House Nauka; 1984. 226 p. (In Russ.)
9. Burchardt T., Huerta M. C. Introduction: Resilience and social exclusion. *Social Policy and Society*. 2009; 8 (1): 59–61. DOI: 10.1017/S1474746408004582
10. Lewis L., Ormerod E., Ecclestone K. The concept of resilience and implications for interventions in schools. In: Z. Williams-Brown, S. Mander (Eds.). *Childhood well-being and resilience: Influences on educational outcomes*. London: Routledge; 2021. p. 20–32.
11. Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work. *Child Development*. 2000; 71: 543–562. DOI: 10.1111/1467-8624.00164
12. Kirby N., Wright B., Allgar V. Child mental health and resilience in the context of socioeconomic disadvantage: Results from the Born in Bradford cohort study. *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2020; 29 (4): 467–477. DOI: 10.1007/s00787-019-01348-y
13. Masten A., Tellegen A. Resilience in developmental psychopathology: Contributions of the project competence longitudinal study. *Development and Psychopathology*. 2012; 24 (2): 345–361. DOI: 10.1017/S095457941200003X
14. Hart A., Gagnon E., Eryigit-Madzwamuse S., Cameron J., Aranda K., Rathbone A., Heaver B. Uniting resilience research and practice with an inequalities approach. *SAGE Open* [Internet]. 2016 [cited 2021 Sept 20]; 6 (4). Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016682477> DOI: 10.1177/2158244016682477
15. Zinn M. E., Huntley E. D., Keating D. P. Resilience in adolescence: Prospective self moderates the association of early life adversity with externalizing problems. *Journal of Adolescence*. 2020; 81: 61–72. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.04.004
16. Freitas D. F., Coimbra S., Marturano E. M., Marques S. C., Oliveira J. E., Fontaine A. M. Resilience in the face of peer victimisation and discrimination: The who, when and why in five patterns of adjustment. *Journal of Adolescence*. 2017; 59: 19–34. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.05.009
17. Gabrielli G., Longobardi S., Strozza S. The academic resilience of native and immigrant-origin students in selected European countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies* [Internet]. 2021 [cited 2021 Jun 10] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2021.1935657> DOI: 10.1080/1369183X.2021.1935657
18. Rodríguez S., Valle A., Martins Gironelli L., Guerrero E., Regueiro B., Estévez I. Performance and well-being of native and immigrant students. Comparative analysis based on PISA 2018. *Journal of Adolescence*. 2020; 85: 96–105. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.10.001

19. Di Maggio I., Ginevra M. C., Nota L., Soresi S. Development and validation of an instrument to assess future orientation and resilience in adolescence. *Journal of Adolescence*. 2016; 51: 114–122. DOI: 10.1016/j.adolescence.2016.06.005
20. Bonanno G. A., Galea S., Bucchiarelli A., Vlahov D. What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2007; 75 (5): 671–682. DOI: 10.1037/0022-006X.75.5.671
21. Nalichaeva S. A., Dyachuk A. K. Resilience as a factor of resistance to maladjustment manifestations in young people. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2021 Jun 12]; 4 (2): 44–91. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document456.pdf> (In Russ.)
22. Morozuk S. N., Gorbenko I. A., Kuznetsova E. S. The phenomenon of “resilience” among senior schoolchildren and students in the context of modern education. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2020; 4: 18–27. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10036 (In Russ.)
23. Postylyakova Yu. V. Individual resilience and resources of university students. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2018 [cited 2021 Jul 12]; 3 (1): 92–108. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document323.pdf> (In Russ.)
24. Postylyakova Yu. V. Individual resilience and individual psychological resources of students with different academic performance. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2021 Jul 12]; 5 (1): 61–80. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document529.pdf> (In Russ.)
25. Tarakanov A. V. On the question of metacognitive regulators of resilience among university students. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire = Professional Education in the Modern World*. 2020; 10 (4): 4359–4368. DOI: 10.20913/2618-7515-2020-4-19 (In Russ.)
26. Gómez-Moliner R., Zayas A., Ruiz-González P., Guil R. Optimism and resilience among university students. *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 2018; 1 (1): 147–154. DOI: 10.17060/ijodaep.2018.n1.v1.1179
27. Nesterova A. A. Potrebnostno-motivacionnyj i reguljatornyj komponenty zhiznesposobnosti bezrabotnoj molodezhi = Necessity-motivational and regulatory components of the resilience of unemployed youth. In: Zhuravlev A. L., Koltsova V. A. (Eds.). *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiya = Fundamental and applied research in modern psychology. Results and development prospects*. Moscow; 2017. p. 2468–2478. (In Russ.)
28. Makhnach A. V., Laktionova A. I., Postylyakova Yu. V., Gorkovaya I. A., Miklyaeva A. V., Saraeva N. M., Sukhanov A. A., et al. Comparative analysis of the resilience of youth from regions with different cultural, social and environmental conditions of life. *Psikhologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2021; 42 (4): 16–27. DOI: 10.31857/S020595920016005-1 (In Russ.)
29. Kuftyak E. V. Age and gender characteristics of resilience in adolescence. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*

= *Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics.* 2017; 23 (4): 31–33. (In Russ.)

30. Laktionova A. I. The relationship of the differential type of reflection and the components of human resilience in different age groups. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2021 July 01]; 5 (4): 193–217. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document622.pdf> DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008 (In Russ.)

31. Twenge J. M., Cooper A. B., Joiner T. E., Duffy M. E., Binau S. G. Age, period, and cohort trends in mood disorder indicators and suicide-related outcomes in a nationally representative dataset, 2005–2017. *Journal of Abnormal Psychology.* 2019; 128 (3): 185–199. DOI: 10.1037/abn0000410

32. Wang L., Xu H., Zhang X., Fang P. The relationship between emotion regulation strategies and job search behavior among fourth-year university students. *Journal of Adolescence.* 2017; 59: 139–147. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.06.004

33. Aizpurua E., Caravaca-Sánchez F., Taliaferro L. A. Suicidality among college students in Spain: Prevalence and associations with substance use, social support, and resilience. *Death Studies* [Internet]. 2021 [cited 2021 June 10]. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07481187.2021.1888823?af=R&journalCode=udst20> DOI: 10.1080/07481187.2021.1888823

34. Bantjes J., Breet E., Saal W., Lochner C., Roos J., Taljaard L., et al. Epidemiology of non-fatal suicidal behaviour among first-year university students in South Africa. *Death Studies.* 2019. DOI: 10.1080/07481187.2019.1701143

35. Carroll A. R. Betrayal trauma and resilience in former foster youth. *Emerging Adulthood.* 2020; 10 (2): 459–472. DOI:10.1177/2167696820933126

36. Abdullah A., Cudjoe E., Emery C. R., Frederico M. Moving towards independent living in Ghana: Narratives from young adults about their kinship care experience. *Journal of Adolescence.* 2020; 79: 148–156. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.01.005

37. Zeer E. F., Tserkovnikova N. G., Tretyakova V. S. Digital generation in the context of predicting the professional future. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal.* 2021; 23 (6): 153–184. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-153-184 (In Russ.)

38. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research.* 2011; 5(2): 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607

39. Laktionova A. I., Makhnach A. V. Zhiznesposobnost' kak faktor adekvatnogo professional'nogo samoopredeleniya i socializacii = Resilience as a factor of adequate professional self-determination and socialization. In: L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev (Eds.). *Social'naja psikhologiya truda: Teorija i praktika = Social psychology of labor: Theory and practice.* Vol. 1. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ.; 2010. p. 459–477. (In Russ.)

40. Laktionova A. I. Age and gender differences of human resilience. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2021 Jul 07]; 6 (4): 103–133. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document720.pdf> DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005 (In Russ.)

41. Frolova S. V. Socio-cultural integration of the imaginative sphere and the commitment to their country of Russian and foreign university students. *Izvestiya Saratovskogo uni-*

versiteta. *Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* = *News of the Saratov University. New series. Acmeology of Education. Developmental Psychology*. 2017; 6, 4 (24): 349–355. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-349-355 (In Russ.)

42. Lopez S. J., Pedrotti J. T. Snyder C. R. *Positive psychology: The scientific and practical explorations of human strengths*. 3rd ed. Sage Publications; 2021. 600 p.

43. Emelyanova T. P., Semenova T. V. Social well-being of youth: psychological and political aspects. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* = *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2021 Jul 11]; 6 (4): 87–102. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document718.pdf> DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_004 (In Russ.)

44. Keijzer R., Admiraal W., van der Rijst R., van Schooten E. Vocational identity of at-risk emerging adults and its relationship with individual characteristics. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2020; 20 (2): 375–410. DOI: 10.1007/s10775-019-09409-z

45. Keijzer R., van der Rijst R., van Schooten E., Admiraal W. Individual differences among at-risk students changing the relationship between resilience and vocational identity. *International Journal of Educational Research* [Internet]. 2021 [cited 2021 Sept 11]; 110: 101893. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035521001622> DOI: 10.1016/j.ijer.2021.101893

46. Zeer E. F. Forecasting the professional future of the individual: The professional aspect. In: *Prognozirovaniye professional'nogo budushchego molodezhi v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki. Materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. = Forecasting the Professional Future of Youth in the Digital economy. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ed. by Zeer E. F., Tretyakova V. S. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University; 2020. p. 10–17. (In Russ.)

47. Muraschenkova N. V. Psychological factors of emigration intentions of youth: A review of foreign studies. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*. 2021; 18 (1): 25–41. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41 (In Russ.)

48. Simonyan R. Kh. Migration attitudes of Russian youth: A regional aspect. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017; 6: 313–326. (In Russ.)

49. Petrova M. D., Malkova E. V. Migration youth policy: Towards the definition of the concept of “Regional loyalty”. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika* = *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. 2019; 1 (3): 238–250. (In Russ.)

50. Sychev O. A., Belousov K. I., Zelyanskaya N. L., Anoshkin I. V. Migration intentions of Russians: Connection with identity and moral foundations. *Psikhologicheskiiy zhurnal* = *Psychological Journal*. 2021; 42 (3): 52–63. DOI: 10.31857/S020595920015193-8 (In Russ.)

Информация об авторах:

Махнач Александр Валентинович – доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт психологии РАН; ORCID 0000-0002-2231-1788, ResearcherID D-2184-2014; Москва, Россия. E-mail: makhnach@ipran.ru

Лактионова Анна Игоревна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН; ORCID 0000-0002-9682-2142, ResearcherID 36875589300; Москва, Россия. E-mail: apan@inbox.ru

Постылякова Юлия Валерьевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт психологии РАН; ORCID 0000-0001-6318-1572; Москва, Россия. E-mail: postylyakova@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022, поступила после рецензирования 30.03.2022, принята к публикации 06.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander V. Makhnach – Dr. Sci. (Psychology), Deputy Director for Science, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-2231-1788, ResearcherID D-2184-2014; Moscow, Russia. E-mail: makhnach@ipran.ru

Anna I. Laktionova – Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-9682-2142, ResearcherID 36875589300; Moscow, Russia. E-mail: apan@inbox.ru

Yulia V. Postylyakova – Cand. Sci. (Psychology), Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0001-6318-1572; Moscow, Russia. E-mail: postylyakova@mail.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the preparation of the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 20.01.2022; revised 30.03.2022; accepted for publication 06.04.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.